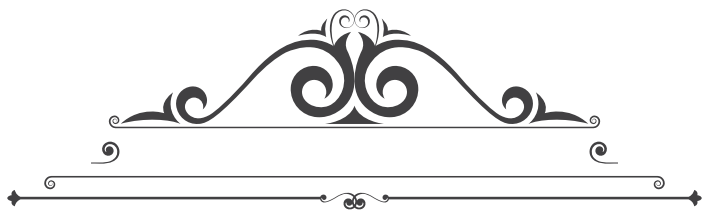

МАРФА-
ПОСАДНИЦА,
ИЛИ
ПОКОРЕНИЕ
НОВАГОРОДА

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ

[Почитать описание, рецензии и купить на сайте МИФа](#)

— Вот один из самых важнейших случаев российской истории! — говорит издатель сей повести. — Мудрый Иоанн должен был для славы и силы отечества присоединить область Новгородскую к своей державе: хвала ему! Однако ж сопротивление новгородцев не есть бунт каких-нибудь якобинцев; они сражались за древние свои уставы и права, данные им отчасти самими великими князьями, например Ярославом, утвердителем их вольности. Они поступили только безрассудно: им должно было предвидеть, что сопротивление обратится в гибель Новугороду, и благоразумие требовало от них добровольной жертвы.

В наших летописях мало подробностей сего великого происшествия, но случай доставил мне в руки старинный манускрипт, который сообщаю здесь любителям истории и — сказок, исправив только слог его, темный и невразумительный. Думаю, что это писано одним из знатных

новгородцев, переселенных великим князем Иоанном Васильевичем в другие города. Все главные происшествия согласны с историею. И летописи, и старинные песни отдают справедливость великому уму Марфы Борецкой, сей чудной женщины, которая умела овладеть народом и хотела (весьма некстати!) быть Катоном своей республики.

Кажется, что старинный автор сей повести даже и в душе своей не винил Иоанна. Это делает честь его справедливости, хотя при описании некоторых случаев кровь новгородская явно играет в нем. Тайное побуждение, данное им фанатизму Марфы, доказывает, что он видел в ней только *страстную*, пылкую, умную, а не великую и не добродетельную женщину.

КНИГА ПЕРВАЯ

[Почитать описание, рецензии и купить на сайте МИФа](#)

Раздался звук *вечевого колокола* — и вздрогнули сердца в Новгороде. Отцы семейств вырываются из объятий супруг и детей, чтобы спешить, куда зовет их отечество. Недоумение, любопытство, страх и надежда влекут граждан шумными толпами на Великую площадь. Все спрашивают; никто не отвечает... Там, против древнего дому Ярославова, уже собрались посадники с золотыми на груди медалями, тысяцкие* с высокими жезлами, бояре, люди житые** со знаменами и старосты всех пяти Концов новгородских*** с серебряными секирами. Но еще не видно никого на месте

* Тысяцкий — один из руководителей городской администрации, назначался из бояр.

** Житые (житьи) люди — общественный класс, стоявший между боярством и средним купечеством.

*** Так назывались части города: Загородский, Неревский, Людин, Славенский и Плотницкий.

лобном, или Вадимовом (где возвышался мраморный образ сего витязя). Народ криком своим заглушает звон колокола и требует открытия веча. Иосиф Делинский, именитый гражданин, бывший семь раз степенным посадником* — и всякий раз с новыми услугами отечеству, с новою честью для своего имени, — всходит на железные ступени, открывает седую, почтенную свою голову, смиренно кланяется народу и говорит ему, что князь московский прислал в Великий Новгород своего боярина, который желает всенародно объявить его требования... Посадник сходит — и боярин Иоаннов является на Вадимовом месте, с видом гордым, препоясанный мечом и в латах. То был воевода, князь Холмский, муж благоразумный и твердый — правая рука Иоаннова в предприятиях воинских, око его в делах государственных, — храбрый в битвах, велеречивый в совете. Все безмолвствуют. Боярин хочет говорить... но юные надменные новгородцы восклицают: «Смирись пред великим народом!» Он медлит — тысячи голосов повторяют: «Смирись пред великим народом!» Боярин снимает шлем с головы своей — и шум умолкает.

«Граждане новгородские! — вещает он. — Князь московский и всея России говорит с вами — внимайте!

* Степенной посадник — представитель высшей исполнительной власти в Новгороде, выбирался на год или на полгода из представителей Концов.

Народы дикие любят независимость, народы мудрые любят порядок: а нет порядка без власти самодержавной. Ваши предки хотели править сами собою и были жертвою лютых соседей или еще лютейших внутренних междоусобий. Старец добродетельный, стоя на праге вечности, заклинал их избрать владельца. Они поверили ему, ибо человек при дверях гроба может говорить только истину.

Граждане новгородские! В стенах ваших родилось, утвердилось, прославилось самодержавие земли русской. Здесь великодушный Рюрик творил суд и правду; на сем месте древние новгородцы лобызали ноги своего отца и князя, который примирил внутренние раздоры, успокоил и возвеличил город их. На сем месте они проклинали гибельную вольность и благословляли спасительную власть единого. Прежде ужасные только для самих себя и несчастные в глазах соседей, новгородцы, под державною рукою варяжского героя сделались ужасом и завистию других народов; и, когда Олег храбрый двинулся с воинством к пределам юга, все племена славянские покорялись ему с радостью, и предки ваши, товарищи его славы, едва верили своему величию.

Олег, следуя за течением Днепра, возлюбил красивые берега его и в благословенной стране Киевской основал столицу своего обширного государства; но Великий Новгород был всегда десницею князей великих, когда они славили делами имя

русское. Олег под щитом новгородцев прибил щит свой к вратам цареградским. Святослав с дружиною новгородскою рассеял, как прах, воинство Цимисхия, и внук Ольгин вашими предками был прозван *владельцем мира*.

Граждане новгородские! Не только воинскою славою обязаны вы государям русским: если глаза мои, обращаясь на все Концы вашего града, видят повсюду золотые кресты великолепных храмов святой веры, если шум Волхова напоминает вам тот великий день, в который знаки идолослужения погибали с шумом в быстрых волнах его, — то вспомните, что Владимир соорудил здесь первый храм истинному Богу; Владимир низверг Перуна в пучину Волхова!.. Если жизнь и собственность священны в Новгороде, то скажите, чья рука оградила их безопасностью?.. Здесь (указывая на дом Ярослава), здесь жил мудрый законодатель, благодетель ваших предков, князь великодушный, друг их, которого называли они вторым Рюриком!.. Потомство неблагодарное! Внимай справедливым укоризнам!

Новгородцы, быв всегда старшими сынами России, вдруг отделились от братьев своих; быв верными подданными князей, ныне смеются над их властью... и в какие времена? О стыд имени русского! Родство и дружба познаются в напастях, любовь к отечеству также... Бог в неисповедимом совете своем положил наказать землю русскую. Явились

варвары бесчисленные, пришельцы от стран никому не известных*, подобно сим тучам насекомых, которые Небо во гневе своем гонит бурей на жатву грешника. Храбрые славяне, изумленные их явлением, сражаются и гибнут, земля русская обгадется кровью русских, города и села пылают, гремят цепи на девах и старцах... Что ж делают новгородцы? Спешат ли на помощь к братьям своим?.. Нет! Пользуясь своим удалением от мест кровопролития, пользуясь общим бедствием князей, отнимают у них власть законную, держат их в стенах своих, как в темнице, изгоняют, призывают других и снова изгоняют. Государи новгородские, потомки Рюрика и Ярослава, должны были слушаться посадников и трепетать *вечевого колокола*, как трубы суда Страшного! Наконец никто уже не хотел быть князем вашим, рабом мятежного веча... Наконец русские и новгородцы не узнают друг друга!

Отчего же такая перемена в сердцах ваших? Как древнее племя славянское могло забыть кровь свою? Корыстолюбие, корыстолюбие ослепило вас! Русские гибнут, новгородцы богатеют. В Москву, в Киев, во Владимир привозят трупы христианских витязей, убиенных неверными, и народ, осыпав пеплом главу свою, с воплем встречает их; в Новгород привозят товары чужеземные, и народ

* Так думали в России о татарах. *Прим. авт.*

с радостными восклицаниями приветствует гостей иностранных! Русские считают язвы свои — новгородцы считают золотые монеты. Русские в узах — новгородцы славят вольность свою!

Вольность!.. Но вы также рабствуете. Народ! Я говорю с тобою. Бояре честолюбивые, уничтожив власть государей, сами овладели ею. Вы повинуетесь — ибо народ всегда повиноваться должен, — но только не священной крови Рюрика, а купцам богатым. О стыд! Потомки славян ценят золотом права властителей! Роды княжеские, издревле именитые, возвысились делами храбрости и славы; ваши посадники, тысяцкие, люди житые обязаны своим достоинством благоприятному ветру и хитростям корыстолюбия. Привыкшие к выгодам торговли, торгуют и благом народа; кто им обещает золото, тому они вас обещают. Так, известны князю московскому их дружественные, тайные связи с Литвою и Казимиром. Скоро, скоро вы соберетесь на звук *вечевого колокола*, и надменный поляк скажет вам на лобном месте: „Вы — рабы мои!“ Но Бог и великий Иоанн еще о вас пекутся.

Новгородцы! Земля русская воскресает. Иоанн возбудил ото сна древнее мужество славян, ободрил унылое воинство, и берега Камы были свидетелями побед наших. Дуга мира и завета воссияла над могилами князей Георгия, Андрея, Михаила. Небо примирилось с нами, и мечи татарские иступились. Настало время мести, время славы

и торжества христианского. Еще удар последний не совершился, но Иоанн, избранный Богом, не опустит державной руки своей, доколе не сокрушит врагов и не смешает их праха с земною перстию. Дмитрий, поразив Мамаю, не освободил России; Иоанн все предвидит, и, зная, что разделение государства было виною бедствий его, он уже соединил все княжества под своею державою и признан властелином земли русской. Дети отечества, после горестной долговременной разлуки, объемятся с веселием пред очами государя и милого отца их.

Но радость его не будет совершенна, доколе Новгород, древний, Великий Новгород, не возвратился под сень отечества. Вы оскорбляли его предков; он все забывает, если ему покоритесь. Иоанн, достойный владеть миром, желает только быть государем новгородским!.. Помните, когда он был мирным гостем посреди вас; вспомните, как вы удивлялись его величию, когда он, окруженный своими вельможами, шел по стогнам Новаграда в дом Ярославов; вспомните, с каким благоволением, с какою мудростию он беседовал с вашими боярами о древностях новгородских, сидя на поставленном для него троне близ места Рюрикова, откуда взор его обнимал все Концы града и веселые окрестности; вспомните, как вы единодушно восклицали: „Да здравствует князь московский, великий и мудрый!“ Такому ли

государю не славно повиноваться, и для того единственно, чтобы вместе с ним совершенно освободить Россию от ига варваров? Тогда Новгород еще более украсится и возвеличится в мире. Вы будете *первыми* сынами России: здесь Иоанн поставит трон свой и воскресит счастливые времена, когда не шумное *вече*, но Рюрик и Ярослав судили вас, как отцы детей, ходили по стогнам и вопрошали бедных, не угнетают ли их богатые. Тогда бедные и богатые равно будут счастливы, ибо все подданные равны пред лицом владыки самодержавного.

Народ и граждане! Да властвует Иоанн в Новгороде, как он в Москве властвует! Или внимайте его последнему слову — или храброе воинство, готовое сокрушить татар, в грозном ополчении явится прежде глазам вашим, да усмирит мятежников!.. Мир или война? Ответствуйте!»

С сим словом боярин Иоаннов надел шлем и сошел с лобного места.

Еще продолжается молчание. Чиновники и граждане в изумлении. Вдруг колеблются толпы народные, и громко раздаются восклицания: «Марфа! Марфа!» Она всходит на железные ступени, тихо и величаво, взирает на бесчисленное собрание граждан и безмолвствует... Важность и скорбь видны на бледном лице ее... Но скоро осененный горестию взор блеснул огнем вдохновения, бледное лицо покрылось румянцем, и Марфа вещала:

«Вадим! Вадим! Здесь лилась священная кровь твоя, здесь призываю Небо и тебя во свидетели, что сердце мое любит славу отечества и благо сограждан; что скажу истину народу новгородскому и готова запечатлеть ее моею кровию. Жена дерзает говорить на вече: но предки мои были друзья Вадимовы; я родилась в стане воинском под звуком оружия; отец, супруг мой погибли, сражаясь за Новгород. Вот право мое быть защитницею вольности! Оно куплено ценою моего счастья...»

«Говори, славная дочь Новаграда!» — воскликнул народ единогласно — и глубокое безмолвие снова изъявило его внимание.

«Потомки славян великодушных! Вас называют мятежниками!.. За то ли, что вы подъяли из гроба славу их? Они были свободны, когда текли с востока на запад избрать себе жилище во вселенной, свободны, подобно орлам, парившим над их главою в обширных пустынях древнего мира... Они утвердились на красных берегах Ильменя и все еще служили одному Богу. Когда великая империя*, как ветхое здание, сокрушалась под сильными ударами диких героев севера, когда готфы, вандалы, эрулы и другие племена скифские искали везде добычи, жили убийствами и грабежом, тогда славяне имели уже селения и города, обрабатывали землю, наслаждались приятными искусствами мирной

* Римская.

жизни, но все еще любили независимость. Под сению древа чувствительный славянин играл на струнах изобретенного им мусикийского орудия*, но меч его висел на ветвях, готовый наказать хищника и тирана. Когда Баян, князь аварский, страшный для императоров Греции, потребовал, чтобы славяне ему поддались, они гордо и спокойно ответствовали: „Никто во вселенной не может поработить нас, доколе не выйдут из употребления мечи и стрелы!..“ О великие воспоминания древности! Вы ли должны склонять нас к рабству и к узам?

Правда, с течением времени родились в душах новые страсти, обычаи древние, спасительные забывались, и неопытная юность презирала мудрые советы старцев; тогда славяне призвали к себе знаменитых храбростию князей варяжских, да повелевают юным мятежным воинством. Но когда Рюрик захотел самовольно властвовать, гордость славянская ужаснулась своей неосторожности, и Вадим Храбрый звал его пред суд народа. „Меч и боги да будут нашими судиями!“ — отвечивал Рюрик — и Вадим пал от руки его, сказав: „Новгородцы! На место, обогренное моею кровию, приходите оплакивать свое неразумие — и славить вольность, когда она с торжеством явится снова в стонах ваших...“ Исполнилось желание великого

* Мусикийским орудием называли музыкальные инструменты.

мужа: народ собирается на священной могиле его свободно и независимо решить судьбу свою.

Так, кончина Рюрика — да отдадим справедливость сему знаменитому витязю! — мудрого и смелого Рюрика, воскресила свободу новгородскую. Народ, изумленный его величием, невольно и смиренно повиновался, но скоро, не видя уже героя, пробудился от глубокого сна, и Олег, испытав многократно его упорную непреклонность, удалился от Новагорода с воинством храбрых варягов и славянских юношей искать победы, данников и рабов между другими скифскими, менее отважными и гордыми племенами. С того времени Новгород признавал в князьях своих единственно полководцев и военачальников; народ избирал власти гражданские и, повинаясь им, повиновался уставу воли своей. В киевлянах и других россиянах отцы наши любили кровь славянскую, служили им, как друзьям и братьям, разили их неприятелей и вместе с ними славились победами. Здесь провел юность свою Владимир; здесь, среди примеров народа великодушного, образовался великий дух его; здесь мудрая беседа старцев наших возбудила в нем желание вопрошить все народы земные о таинствах веры их, да откроется истина ко благу людей; и, когда, убежденный в святости христианства, он принял его от греков, новгородцы, разумнее других племен славянских, изъявили и более ревности к новой истинной вере. Имя Владимира священо

в Новгороде; священна и любезна память Ярослава, ибо он первый из князей русских утвердил законы и вольность великого града. Пусть дерзость называет отцов наших неблагодарными за то, что они отражали властолюбивые предприятия его потомков! Дух Ярославов оскорбился бы в небесных селениях, если бы мы не умели сохранить древних прав, освященных его именем. Он любил новгородцев, ибо они были свободны; их признательность радовала его сердце, ибо только души свободные могут быть признательными: рабы повинуются и ненавидят! Нет, благодарность наша торжествует, доколе народ во имя отечества собирается пред домом Ярослава и, смотря на сии древние стены, говорит с любовью: „Там жил друг наш!“

Князь московский укоряет тебя, Новгород, самым твоим благоденствием — и в сей вине не можем оправдаться! Так, конечно: цветут области новгородские, поля златятся класами, житницы полны, богатства льются к нам рекою; Великая Ганза* гордится нашим союзом; чужеземные гости ищут дружбы нашей, удивляются славе великого града, красоте его зданий, общему избытку граждан и, возвратясь в страну свою, говорят: „Мы видели Новгород, и ничего подобного ему не видали!“ Так, конечно: Россия бедствует — ее земля

* Союз вольных немецких городов, который имел свои конторы в Новгороде.

обагрется кровию, веси и грады опустели, люди, как звери, в лесах укрываются, отец ищет детей и не находит, вдовы и сироты просят милостыни на распустьях. Так, мы счастливы — и виновны, ибо дерзнули повиноваться законам своего блага, дерзнули не участвовать в междоусобиях князей, дерзнули спасти имя русское от стыда и поношения, не принять оков татарских и сохранить драгоценное достоинство народное!

Не мы, о россияне несчастные, но всегда любезные нам братья! Не мы, но вы нас оставили, когда пали на колена пред гордым ханом и требовали цепей для спасения поносной жизни; когда свирепый Батый, видя свободу единого Новаграда, как яростный лев, устремился растерзать его смелых граждан, когда отцы наши, готовясь к славной битве, острили мечи на стенах своих — без робости: ибо знали, что умрут, а не будут рабами!.. Напрасно с высоты башен взор их искал вдали друженственных легионов русских в надежде, что вы захотите в последний раз и в последней ограде русской вольности еще сразиться с неверными! Одни робкие толпы беглецов являлись на путях Новаграда; не стук оружия, а вопль малодушного отчаяния был вестником их приближения; они требовали не стрел и мечей, а хлеба и крова!.. Но Батый, видя отважность свободных людей, предпочел безопасность свою злобному удовольствию мести. Он спешил удалиться!.. Напрасно граждане

новгородские молили князей воспользоваться таким примером и общими силами, с именем Бога русского ударить на варваров: князья платили дань и ходили в стан татарский обвинять друг друга в замыслах против Батгья; великодушные сделалось предметом доносов, к несчастью, ложных!.. И если имя победы в течение двух столетий сохранилось еще в языке славянском, то не гром ли новгородского оружия напоминал его земле русской? Не отцы ли наши разили еще врагов на берегах Невы? Воспоминание горестное! Сей витязь добродетельный, драгоценный остаток древнего геройства князей варяжских, заслужив имя бессмертное с верною новгородскою дружиною, храбрый и счастливый между нами, оставил здесь и славу, и счастье, когда предпочел имя великого князя России имени новгородского полководца: не величие, но унижение и горесть ожидали Александра во Владимире — и тот, кто на берегах Невы давал законы храбрым ливонским рыцарям, должен был упасть к ногам Сартака.

Иоанн желает повелевать великим градом: не удивительно! Он собственными глазами видел славу и богатство его. Но все народы земные и будущие столетия не перестали бы дивиться, если бы мы захотели ему повиноваться. Какими надеждами он может обольстить нас? Одни несчастные легковерны; одни несчастные желают перемен — но мы благоденствуем и свободны! Благоденствуем оттого, что свободны! Да молит Иоанн Небо, чтобы оно

во гневе своем ослепило нас: тогда Новгород может возненавидеть счастье и пожелать гибели, но доколе видим славу свою и бедствия княжеств русских, доколе гордимся ею и жалеем об них, доколе права новгородские всего святее нам по Боге.

Я не дерзну оправдывать вас, мужи, избранные общею доверенностию для правления! Клевета в устах властолюбия и зависти недостойна опровержения. Где страна цветет и народ ликует, там правители мудры и добродетельны. Как! Вы торгуете благом народным? Но могут ли все сокровища мира заменить вам любовь сограждан вольных? Кто узнал ее сладость, тому чего желать в мире? Разве последнего счастья — умереть за отечество!

Несправедливость и властолюбие Иоанна не затмевают в глазах наших его похвальных свойств и добродетелей. Давно уже молва народная известила нас о его величии, и люди вольные желали иметь гостем самовластителя; искренние сердца их свободно изливались в радостных восклицаниях при его торжественном въезде. Но знаки усердия нашего, конечно, обманули князя московского; мы хотели изъявить ему приятную надежду, что рука его свергнет с России иго татарское: он вздумал, что мы требуем от него уничтожения нашей собственной вольности! Нет! Нет! Да будет велик Иоанн, но да будет велик и Новгород! Да славится князь московский истреблением врагов христианства, а не друзей и не братьев земли русской,

которыми она еще славится в мире! Да прервет оковы ее, не возлагая их на добрых и свободных новгородцев! Еще Ахмат дерзает называть его своим данником: да идет Иоанн против монгольских варваров, и верная дружина наша откроет ему путь к стану Ахматову! Когда же сокрушит врага, тогда мы скажем ему: „Иоанн! Ты возвратил земле русской честь и свободу, которых мы никогда не теряли. Владей сокровищами, найденными тобою в стане татарском: они были собраны с земли твоей; на них нет клейма новгородского: мы не платили дани ни Батю, ни потомкам его! Царствуй с мудростию и славою, залечи глубокие язвы России, сделай подданных своих и наших братьев счастливыми — и если когда-нибудь соединенные твои княжества превзойдут славою Новгород, если мы позавидуем благоденствию твоего народа, если Всевышний накажет нас раздорами, бедствиями, унижением, тогда — клянемся именем отечества и свободы! — тогда придем не в столицу польскую, но в царственный град Москву, как некогда древние новгородцы пришли к храброму Рюрику, и скажем не Казимиру, но тебе: „Владей нами! Мы уже не умеем править собою!““

Ты содрогаешься, о народ великодушный!.. Да идет мимо нас сей печальный жребий! Будь всегда достоин свободы — и будешь всегда свободным! Небеса правосудны и ввергают в рабство одни порочные народы. Не страшись угроз Иоанновых, когда сердце твое пылает любовью к отечеству

и к святым уставам его, когда можешь умереть за честь предков своих и за благо потомства!

Но если Иоанн говорит истину, если в самом деле гнусное корыстолюбие овладело душами новгородцев, если мы любим сокровища и негу более добродетели и славы, то скоро ударит последний час нашей вольности и *вечевой колокол* — древний глас ее — падет с башни Ярославовой и навсегда умолкнет!.. Тогда, тогда мы позавидуем счастью народов, которые никогда не знали свободы. Ее грозная тень будет являться нам, подобно мертвецу бледному, и терзать сердце наше бесполезным раскаянием!

Но знай, о Новгород, что с утратою вольности иссохнет и самый источник твоего богатства: она оживляет трудолюбие, изощряет серпы и златит нивы; она привлекает иностранцев в наши стены с сокровищами торговли; она же окриляет суда новгородские, когда они с богатым грузом по волнам несутся... Бедность, бедность накажет недостойных граждан, не умевших сохранить наследия отцов своих! Померкнет слава твоя, град великий, опустеют многолюдные Концы твои, широкие улицы зарастут травой, и великолепие твое, исчезнув навеки, будет баснею народов. Напрасно любопытный странник среди печальных развалин захочет искать того места, где собиралось вече, где стоял дом Ярославов и мраморный образ Вадима: никто ему не укажет их. Он задумается горестно и скажет только: „Здесь был Новгород!..“»

Тут страшный вопль народа не дал уже говорить посаднице. «Нет, нет! Мы все умрем за отечество! — восклицают бесчисленные голоса. — Новгород — государь наш! Да явится Иоанн с воинством!» Марфа, стоя на Вадимовом месте, веселится действием ее речи. Чтобы еще более вспалить умы, она показывает цепь, гремит ею в руке своей и бросает на землю: народ в исступлении гнева попирает оковы ногами, взывая: «Новгород — государь наш! Война, война Иоанну!» Напрасно посол московский желает еще говорить именем великого князя и требует внимания, дерзкие поднимают на него руку, и Марфа должна защитить боярина. Тогда он извлекает меч, ударяет им о подножие Вадимова образа и, возвысив голос свой, с душевною скорбию произносит: «Итак, да будет война между великим князем Иоанном и гражданами новгородскими! Да возвратятся *клятвенные грамоты**! Бог да судит вероломных!..» Марфа вручает послу грамоту Иоаннову и принимает новгородскую. Она дает ему стражу и *знамя мира*. Народные толпы перед ним расступаются. Боярин выходит из града. Там ожидала его московская дружина... Марфа следует за ним взором своим, опершись на образ Вадимов. Посол Иоаннов садится на коня и еще

* Клятвенными грамотами назывались дружественные трактаты. При объявлении войны надлежало всегда возвращать их. *Прим. авт.*

с горестию взирает на Новгород. Железные опоры стучат на городских воротах, и боярин тихо едет по московской дороге, провождаемый своими воинами. Вечерние лучи солнца угасли на их блестящем оружии.

Марфа вздохнула свободно. Видя ужасный мятеж народа (который, подобно бурным волнам, стремился по стогнам и беспрестанно восклицал: «Новгород — государь наш! Смерть врагам его!»), внимая грозному набату, который гремел во всех пяти Концах города (в знак объявления войны), сия величавая жена подымлет руки к небу, и слезы текут из глаз ее. «О тень моего супруга! — тихо вещает она с умилением. — Я исполнила клятву свою! Жребий брошен: да будет, что угодно судьбе!..» Она сходит с Вадимова места.

Вдруг раздаются треск и гром на Великой площади... Земля колеблется под ногами... Набат и шум народный умолкают... Все в изумлении. Густое облако пыли закрывает от глаз дом Ярослава и лобное место... Сильный порыв ветра разносит наконец густую мглу, и все с ужасом видят, что высокая башня Ярославова, новое гордое здание народного богатства, пала с *вечевым колоколом* и дымится в своих развалинах... * Пораженные сим явлением, граждане безмолвствуют... Скоро тишина

* Летописи наши говорят о падении новой колокольни и ужасе народа. *Прим. авт.*

прерывается голосом внятным, но подобным глухому стону, как будто бы исходящему из глубокой пещеры: «О Новгород! Так падет слава твоя! Так исчезнет твое величие!..» Сердца ужаснулись. Возры устремились на одно место; но след голоса исчез в воздухе вместе со словами; напрасно искали, напрасно хотели знать, кто произнес их. Все говорили: «*Мы слышали!*!» — никто не мог сказать от кого. Именитые чиновники, уstraшенные народным впечатлением более, нежели самим происшествием, всходили один за другим на Вадимово место и старались успокоить граждан. Народ требовал мудрой, великодушной, смелой Марфы; посланные нигде не могли найти ее.

Между тем настала бурная ночь. Засветились факелы; сильный ветер беспрестанно задувал их, беспрестанно надлежало приносить огонь из домов соседственных. Но тысяцкие и бояре ревностно трудились с гражданами: отрыли *вечевой колокол* и повесили на другой башне. Народ хотел слышать священный и любезный звон его — услышал и казался покойным. Степенный посадник распустил *вече*. Толпы редели. Еще друзья и ближние останавливались на площади и на улицах говорить между собою; но скоро настала всеобщая тишина, подобно как на море после бури, и самые огни в домах (где жены новгородские с беспокойным любопытством ожидали отцов, супругов и детей) один за другим погасли.

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

